

AdlenAdl AdlenAdl

Мемуары Агента Р.

18+

AdlenAdl AdlenAdl

Мемуары Агента Р.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73395088

SelfPub; 2026

Аннотация

Розалин Поттер снова и снова проживает одну и ту же жизнь, каждый раз умирая и возвращаясь к началу. На первый взгляд временные петли кажутся даром, редкой возможностью всё исправить. Но с каждой новой попыткой она всё отчётливее осознаёт, что мир вокруг не становится понятнее. Напротив, он раскрывается с пугающей стороны.

ЧТО ВАС ЖДЁТ:

1. Сложный путь от слабой и наивной девочки до сильной героини;
2. Морально неоднозначные поступки персонажей;
3. Многослойный и усложнённый магический мир Гарри Поттера. Знакомые элементы канона будут расширены и переосмыслены;
4. Лавкрафтовские мотивы: формы жизни и сущности, выходящие за пределы человеческого понимания.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Список может меняться, поскольку автор пишет без жёсткого долгосрочного плана, история развивается вместе с персонажами.

AdlenAdl AdlenAdl

Мемуары Агента Р.

Сначала было давление. Жуткое, всепоглощающее давление, будто тебя выталкивают наружу из узкой, скользкой трубы. Что-то сжимало меня судорожно, словно в панике.

Я не могла дышать. Я пыталась, видит Бог, я пыталась вдохнуть, – рефлекс или память – но ничего не происходило. Мои лёгкие были полны жидкости, как будто я захлебнулась ещё до начала этого кошмара. Мне не было больно, но мозг кричал, что я задыхаюсь. Я пыталась кричать, но звука не было. Только внутренний визг.

Вдобавок, я была словно прикована к этому месту. Мои конечности не слушались, не шевелились, не отвечали на зов сознания. Ничего более нестерпимого я никогда не испытывала – беззащитность в ловушке собственного тела, где я была пленницей, не в силах даже закричать.

Сколько длился этот Ад – не знаю. Я даже более-менее привыкла к теплой жидкости внутри меня. Время потеряло смысл, как и надежда. Но в конце концов, словно прорвав невидимые цепи, я вырвалась из этой удушающей тюрьмы – только чтобы попасть в ещё более мрачное и страшное место, неизвестное и холодное.

Сначала я увидела слабый, расплывчатый свет и в груди проснулось облегчение, почти надежда, что я ушла от это-

го Ада. Но облегчение длилось мгновение. Внезапно меня пронзил холод. После тёплого, почти горячего кокона, этот резкий перепад температуры был невыносим. Воздух казался ледяным, он резал кожу, будто ножами.

Не успела я оклематься от холода, как меня известили другим сюрпризом. Меня ударили. Внезапно, резко и жестоко. Боль ворвалась в моё тело, как вспышка: острая и обжигающая. Я не понимала, за что, зачем, почему кто-то причиняет мне такую боль.

Я не могла передать всю гамму эмоций, поэтому мне пришлось сделать это единственным действенным способом. Я закричала. Это был первый крик, и первый жгучий, болезненный вдох.

Не то, чтобы я осознавала в тот момент, что рождалась. Мне казалось, я просто вырвалась из одного кошмара – только чтобы попасть в другой. Но обо все по порядку..

Напасть не заставила себя снова ждать.

Вокруг раздался звук: резкий, громкий и незнакомый. Он обрушился на меня, как лавина, так как в той темноте, где я существовала до этого момента, не было ничего. Ни движения, ни света... и ни звука. Абсолютная, вязкая тишина... не глухота, а именно отсутствие самого понятия звука. Там не было ни стука сердца, ни голосов, ни даже собственного дыхания. Лишь безвременье и покой, похожий на забвение.

Я не осознавала, что это голоса, что это слова. Мой разум всё ещё держался в плену темноты, которую я знала всю

свою «жизнь» до этого момента. Теперь же этот звук разрывал тишину, вызывая в груди дрожь. Это был первый шум, который я услышала за долгое время, и он пугал меня до глубины души.

Так я встретила этот мир: ослеплённая светом, обожжённая холодом, пронзённая болью и заглушённая незнакомыми звуками.

Добро пожаловать, как говорится, в жизнь.

Сознание приходило медленно. Обрывками. Волнами, как если бы я всплывала со дна глубочайшего океана, каждый раз хватая ртом воздух, чтобы снова исчезнуть в пучине. Прошло, как мне казалось, несколько дней, прежде чем я поняла, что я родилась.

Да, звучит нелепо, ведь как можно не осознать это сразу? Но мой разум не справлялся. Он был захлестнут. Перегружен. Младенческий мозг, как оказалось, не вмещает многого. Всё происходящее вспыхивало и гасло, оставляя после себя лишь ощущение измотанности и бессилия. Но когда это простое, пугающее знание наконец прорвалось, то всё стало на свои места.

Вот почему я ничего не вижу. Вот почему я не могу пошевелить руками как хочу. Вот почему я кормлюсь молоком из груди как... Как животное. Это не кошмар. Не иллюзия. Не кома. Это реальность.

Я младенец.

Я плыла в этом хаосе, беспомощная, уставшая, сражаю-

щаяся за хотя бы одну чёткую мысль. Всё было чужим, слишком ярким, слишком громким, слишком настоящим. Казалось, меня выдернули из небытия и бросили в этот мир без предупреждения, без инструкций, без защиты.

Моё тело жило своей жизнью. Глаза закрывались сами собой, мышцы дёргались бессмысленно. Я не управляла собой. Я была как заключённая в неуклюжем, слишком маленьком теле, которое не подчинялось ни разуму, ни воле.

Я не знала, не понимала, сколько времени прошло с моего озарения, но это было невыносимо. Дело было даже не в том, что я лежала закутанная в одеяльце, не в силах пошевелиться и на миллиметр, а в примитивных рефлексах тела.

Я не хотела пить грудное молоко. Сама мысль об этом вызвала у меня какую-то брезгливость. Но тело – это тело. Оно знало, чего хочет и, как только меня прижимали к женщине, всё происходило само собой. Рот сам начинал сосать, и сладковатое, чуть тёплое молоко заполняло желудок. Внутри меня тошнило, но тело было довольным.

И мне приходилось пить, и пить, и пить дни напролет.

Но это не самое страшное. Хуже всего было чувствовать, как тепло разливается между ног и не только. Инстинктивное отвращение, унижение – оно подступило внезапно, лавиной. Мозг знал, что «так нельзя», а тело делало. Просто потому что.

Я не была ребёнком, не совсем. В моей голове ещё теплился человек, который помнил, что значит быть взрослым, сты-

диться, прятаться, терпеть. Но сейчас я лежала в собственных выделениях и не могла даже отвернуться.

Приходилось кричать, пока не придет женщина, моя новая мама. Она мыла меня тёплой водой, меняла подгузник, шептала что-то ласковое.

И каждый раз внутри меня что-то сжималось от нежности, которую я не знала, не могла и, может быть, даже не хотела принимать.

Но иногда этого даже не требовалось. Иногда подгузник словно самоочищался. Знаю, глупо. Возможно, я просто не замечала, как она приходит и уносит мою неловкость вместе с испачканной тканью.

Может, я засыпала, а просыпалась уже в чистом или теряла сознание, перегруженная ощущениями и телом, которое не слушалось.

Я была полностью во власти чужих рук и чужой доброты, и эта зависимость пугала не меньше, чем переродившаяся жизнь. Ведь они могли меня оставить однажды и уйти куда-то.

Я знал – да, знала всеми своими оглушёнными чувствами и размытым сознанием, – что эти люди любят меня. Они любили. Я чувствовала это в прикосновениях, в интонациях, в том, как они держали меня, как говорили обо мне. Любили не только меня, но ещё и его. Моего брата.

Это было как удар под дых.

Потому что принять эту любовь – значило бы предать ту,

что была До.

Я знала, что у меня была семья в прошлой жизни. Не лица, не имена – нет. Но были ощущения. Как если бы память хранила истину, выцарапанную в самой душе.

Я позволяла сознательно и нет брать многое темноте. Хотя, пожалуй, правильнее называть это уже чистилищем, не так ли? Это не было просто ничто – оно имело волю.

Чистилище забрало у меня почти все, кроме одного. Моей семьи. Их я защищала, как зверь.

Когда тьма подбиралась к ним, я рычала. Я кричала. Я цеплялась за них когтями воли, цеплялась отчаянно, до боли, до исступления. Я вырывала у забвения то, что не хотела потерять. Позволяла забрать всё остальное, но лишь бы не их. Пусть исчезнут мечты, пусть сотрутся лица друзей, пусть я забуду, каково это – быть собой. Только не они.

Мать. Отец. И кто-то ещё... брат. Я знала, что он был старше. Что он был добрый. Что с ним я была в безопасности. Его имя исчезло первым.

Может, я уже почти ничего не чувствовала к ним, так как чистилище слишком долго точило мое сердце. Но остатки той любви были как тлеющий уголёк, и я берегла его так, будто в нём хранился весь смысл моего существования. Неважно, что эмоции уже не пылали. Неважно, что осталась одна лишь тень. Я знала: если исчезнет и это – тогда исчезну и я.

И потому сейчас, в новом теле, с новой матерью, с новым отцом и с новым братом рядом – я не могла принять всё это

сразу. Не потому, что они были плохими. А потому, что в моём сердце всё ещё жила та первая семья. И я не была готова предать её забвением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.